

За художественное оформление в группе отвечал учитель Цюй Кан'нянь — человек в индустрии уважаемый и многолетний соратник режиссёра У.

Образы главных героев были проработаны ещё на стадии подготовки, так что в художнике по персонажам проект, по совести говоря, не нуждался. Решение продюсера навязать ему помощника Цюй Кан'нянь встретил без особого восторга.

Лю Гуан'янь, впрочем, пояснил: парень просто любопытствует. Молодёжь редко упускает шанс заглянуть за кулисы кинопроизводства, так что, скорее всего, он просто пришёл поглазеть на диковинку.

Учитель Цюй решил для себя сразу: пусть этот «консультант» рисует что хочет, всё равно его мазня в работу не пойдёт. Здесь, в художественном цехе, последнее слово за ним, и он не позволит какому-то богатому сынку портить рабочую атмосферу. Раз уж тот попал к нему в подчинение, придётся играть по его правилам.

Однако не успел он даже слова вставить, как его внимание привлёк юноша, стоявший рядом с Ци Юанем.

— А у парня отличные пропорции, — невольно похвалил он.

Ци Юань легонько подтолкнул Цинь Шу вперёд и представил его:

— Учитель Цюй, это Цинь Шу. Наш приглашённый консультант. Хочет немного поучиться у вас мастерству.

Цюй Кан'нянь заметил этот почти интимный жест и всё понял. Окинув Цинь Шу оценивающим взглядом, он пошутил:

— Ты уверен, что он не ошибся дверью? С такими данными ему бы в кадр.

Ци Юань явно был с ним в коротких отношениях, поэтому лишь рассмеялся в ответ:

— Характер у него больно тихий. Ему куда привычнее возиться с тем, что остаётся за кадром.

Цинь Шу вежливо поклонился:

— Здравствуйте, учитель Цюй. Меня зовут Цинь Шу. Раньше я имел удовольствие изучать ваш труд «Визуальный пир: полный анализ киноискусства». Не думал, что мне выпадет шанс

пообщаться с автором лично.

Тон юноши был безукоризненно вежливым, а в голосе звучала такая искренность, что сердце старого мастера оттаяло, и он охотно ввязался в профессиональную беседу.

Ци Юань поначалу опасался, что Цинь Шу с его нелюдимостью будет сложно найти общий язык с незнакомцем, но, к его удивлению, разговор клеился сам собой. Никаких неловких пауз, никакого холода — совсем не то, что было при встрече с Яо Иханем.

«Надо же, какая избирательная ревность...»

Поняв, что его помощь здесь больше не требуется, Ци Юань отправился на площадку. Перед уходом он всё же не удержался и шепнул Ван Сяоя, чтобы та осталась приглядеть за художником — мало ли что.

Ассистентка смотрела на Цинь Шу уже совсем другими глазами. Особенно на контрасте с Яо Иханем. Раньше брат Юань действительно заботился о Яо, понимая, что тот новичок: всегда подсказывал, помогал советом... но на этом всё и заканчивалось. Такой же всесторонней опеки, какую он проявлял сейчас, Ван Сяоя не видела ещё никогда.

«Божечки, неужели брат Юань и впрямь попался в сети?»

Она ещё раз внимательно изучила Цинь Шу. Визуально эти двое казались жителями совершенно разных миров.

Тем временем Цюй Кан'нянь и Цинь Шу увлеклись беседой. Сначала мастер думал, что юноша просто рассыпается в дежурных комплиментах, но быстро понял: тот действительно разбирается в предмете. В душе старого художника даже шевельнулось чувство вины — не слишком ли предвзято он судил о человеке?

— Слышал, ты уже добился немалых успехов в живописи. Почему вдруг решил податься в кино? — поинтересовался Цюй Кан'нянь.

Цинь Шу посмотрел сквозь нагромождение декораций туда, где под светом софитов играл Ци Юань.

— Раньше я писал в основном пейзажи и архитектуру, — тихо ответил он. — Теперь хочу попробовать себя в портретах. Пришёл сюда за вдохновением.

Цюй Кан'нянь проследил за его взглядом. Даже в самой обычной одежде Ци Юань в объективе камеры сиял, точно солнце, приковывая к себе всё внимание. «Такой славный парень, — сочувственно подумал мастер, — и надо же было ему влюбиться именно в Ци Юаня?» Впрочем, молодость — время для самых безумных попыток.

Он ободряюще похлопал Цинь Шу по плечу:

— Путь предстоит долгий. Так что удачи тебе, сынок.

Ван Сяося, глядя, как за каких-то полчаса Цинь Шу успел стать чуть ли не лучшим другом учителя Цюя, поняла, что может спокойно ретироваться. Её присутствие здесь было явно лишним.

Дальше мужчины перешли к обсуждению нюансов создания художественных образов. Профессиональные термины посыпались на ассистентку, точно колыбельная. Веки Ван Сяося предательски потяжелели, и она погрузилась в то блаженное состояние, когда реальность начинает расплываться.

Из этого полузабытья её вывел голос Цинь Шу — собеседники наконец решили сменить обстановку и отправиться непосредственно на съёмочную площадку. Ван Сяося поплелась за ними, чувствуя, как ноги вязнут в невидимой вате. Только когда в уши ворвался рабочий шум площадки, сознание окончательно прояснилось.

Выпив залпом полбанки колы, она наконец почувствовала себя живой. Последний раз такое интеллектуальное истощение она испытывала разве что на уроках высшей математики.

Цюй Кан'нянь продолжал давать наставления, разъясняя тонкости рабочего процесса. Слушая его, Цинь Шу начал видеть ту скрытую жизнь, что теплилась за каждым кадром — жизнь, собранную из тысяч мелочей.

Режиссёр У слыл человеком добродушным, но его киноязык был остр, как бритва. На площадке его авторитет был непререкаем.

Сейчас он восседал на простом пластиковом стуле в поношенной майке, пляжных шортах и парусиновых туфлях. Если бы не огромный матюгальник в руках, его легко можно было бы принять за скучающего пенсионера на прогулке.

Цинь Шу сам процесс съёмок занимал мало. Посмотрев на режиссёра, он почти сразу перевёл взгляд на Ци Юаня. Тот как раз репетировал сцену. В глазах художника отразилось искреннее восхищение — актёрский талант его партнёра был поистине природным даром.

Ему нравилось видеть такого Ци Юаня: живого, азартного, полного сил.

В самом начале своего пути Цинь Шу верил, что его миссия — исцелить этого человека. Но постепенно он осознал: процесс любви к другому стал исцелением и для него самого.

Зная, что этот человек предназначен судьбой только ему, Цинь Шу мог без остатка отдаваться своим чувствам, не боясь оглядок и сомнений. Это знание позволяло ему, привыкшему всегда взвешивать каждый шаг, любить безоглядно. Здесь не было места предательству.

Иногда он ловил себя на мысли: будь на месте Ци Юаня кто-то другой, чувствовал бы он то же самое? И каждый раз ответ был один: «других» быть не могло.

Нити, связывающие людей, порой сплетаются ещё при первом взгляде. В тот миг, когда судьба сталкивает их вместе, всё уже оказывается записано в глубине души.

Пусть это называют фатализмом или упрямством, но Цинь Шу твёрдо знал: Ци Юань — это его недостающая половина. С самой первой встречи, сквозь пелену времён, он почувствовал — этот человек особенный.

Взгляд Цинь Шу невольно смягчился. В этот момент кто-то рядом негромко произнёс:

— Учитель Ци и учитель Сяо попали в тренды.

Цинь Шу нахмурился. Он достал телефон, зашёл в приложение «Ланьмао» и действительно обнаружил имя Ци Юаня в топе развлекательных новостей. Прочитав ключевые слова, художник буквально застыл — лицо его стало непроницаемым.

В заголовке значилось: #Ци Юань #Сяо Цяньфэн #Однодневка #На месяц.

Сяо Цяньфэн играл в «Следе в тёмной ночи» второстепенную роль, и у них с Ци Юанем было немало общих сцен. На фото они вдвоём выходили из отеля: Ци Юань небрежно засунул руку в карман, а Сяо Цяньфэн что-то увлечённо ему рассказывал. Актер чуть склонил голову, слушая собеседника.

Неизвестно, кто сделал этот снимок, но даже не видя глаз Ци Юаня, через экран можно было почувствовать ту атмосферу лёгкости и симпатии, что царил между ними.

Ниже бурлили комментарии. Пользователи вовсю гадали: станет ли этот новый «шип» мимолётным увлечением на один день или затянется на месяц? Ставили оценки их химии и сравнивали Цяньфэна с предыдущими фаворитами публики.

Цинь Шу читал это с нарастающим раздражением. Впрочем, первый укол ревности быстро сменился трезвым рассудком: он понимал, что это лишь игры маркетологов ради охватов. Оба актёра снимались в одном фильме и жили в одном отеле — в их совместном появлении не было ничего криминального.

Однако этот случай наглядно показал Цинь Шу, под каким пристальным вниманием находится Ци Юань.

Убрав телефон, он наткнулся на взгляд Яо Иханя. Тот, заметив внимание художника, тут же отвернулся.

Цинь Шу нахмурился. Он совсем забыл, что этот парень всё ещё здесь, на той же площадке. Сверившись с графиком съёмок на сегодня, он коротко попрощался с Цюй Кан'нянем и ушёл.

Когда Ци Юань закончил дубль и не обнаружил Цинь Шу на привычном месте, в душе у него шевельнулось досадное разочарование. «И это он называет ухаживанием? Даже вида сделать не может, а ведь только первый день пошёл...»

Он достал телефон, нашёл контакт Цинь Шу, но, помедлив секунду, убрал аппарат обратно.

В конце концов, это Цинь Шу его добивается, а не наоборот. Раз уж тот сам припёрся в группу, пусть сам и беспокоится.

Эти мысли промелькнули и исчезли, не оставив следа. Вот только в каждом перерыве Ци Юань невольно выискивал в толпе знакомую статную фигуру. Но площадка была пуста, а телефон хранил молчание.

На кухне отеля шеф-повар смотрел на молодого человека, сосредоточенно колдовавшего над песчаным горшочком, с нескрываемым почтением.

Этот юноша по имени Цинь Шу пришёл сюда несколько часов назад и вежливо попросил разрешения воспользоваться плитой. По правилам отеля, если гостю нужен доступ к кухне, кто-то из персонала обязан находиться рядом — мало ли что может случиться в таком месте.

Никто и не предполагал, что парень задержится так надолго. Сменилось уже три повара, а он всё не уходил.

Шеф подошёл ближе и посмотрел на золотистую, тягучую массу, которую юноша как раз собирался отправить в отходы. От неё исходил упоительный, сладкий аромат.

— Постой, выглядит ведь отлично! Зачем выбрасывать? — Повар кончиком пальца зачерпнул немного смеси и прижмурился от удовольствия: во рту разлилась характерная прохлада лечебного сиропа.

— Передержал. Слишком густо, и цвет недостаточно прозрачный. — Цинь Шу тщательно вымыл горшочек и начал всё заново.

— Ты уверен, что это тебе больше не нужно? — Шеф указал на эмалированную миску с

остатками.

— Забирайте, если хотите.

— Ну, спасибо, парень! — Повар тут же нашёл стеклянную банку с герметичной крышкой и бережно переложил туда золотистое лекарство. Будучи человеком общительным, он не удержался от вопроса: — Для любимого человека стараешься?

Цинь Шу странно посмотрел на него. Неужели это так заметно?

Шеф понимающе усмехнулся:

— Если бы для себя, пошёл бы в аптеку и купил готовое. Зачем столько мучений?

Цинь Шу влил свежий сок мушмулы в горшочек:

— А почему я не могу готовить это для родных?

— А ты готовишь?

Цинь Шу промолчал. Шеф-повар хохотнул:

— То-то и оно! Сдаётся мне, ты её ещё даже не завоевал.

— Ваша проницательность не знает границ.

Шеф самодовольно приосанился:

— Когда завоеешь, уже не будешь так убиваться. Не обижайся, но такова жизнь: что имеем — не храним. Люди, они ведь...

— Я буду. — Цинь Шу был в корне не согласен. Возможно, слова повара подходили большинству, но не ему.

Он будет оберегать своего партнёра. Будет ценить его вечно. В этом мире «муж и жена» — понятия либо бесконечно близкие, либо бесконечно далёкие. Ци Юань был даром судьбы, тем, кто вдохнул жизнь в его застывшее существование. И он сделает всё, чтобы они стали самыми близкими людьми.

Повар не стал спорить — влюблённая молодёжь всегда полна радужных надежд. Глядя на то,

как ловко юноша управляет с утварью, он спросил:

— Рука у тебя набита. Учился где?

— Приходилось.

— Это хорошо. Сейчас редко встретишь парня, который умеет готовить. Красивый, обходительный, да ещё и кулинар — повезёт же кому-то с таким мужем.

Вечером Ци Юань, выйдя из душа, заметил уведомление в приложении. Разблокировав экран, он увидел сообщение от Цинь Шу: «Спишь?»

Вместо текста он отправил голосовое. Когда Цинь Шу прослушал его, лицо его потемнело.

В трубке прозвучало томное:

— Ещё нет... Братец Цинь хочет прийти и поиграть со мной?

Ци Юань видел надпись «печатает...», но ответа всё не было. Он отбросил телефон и усмехнулся: «Неужели так легко испугался?»

Через несколько минут в дверь негромко постучали. Ци Юань удивлённо приподнял бровь, подошёл и открыл. В коридоре было пусто и тихо. Опустив взгляд, он увидел на полу бумажный пакет.

Сквозь прорезь упаковки угадывались очертания стеклянной тары. Постояв в нерешительности пару секунд, он поднял подношение. Снова огляделся по сторонам — никого.

— Трусишка, — негромко рассмеялся он.

Вернувшись в номер, он извлёк содержимое. В свете ламп золотистый сироп в банке выглядел необычайно аппетитно. Стоило открыть крышку, как комнату наполнил кисло-сладкий аромат с тонкими нотками прохлады.

В пакете лежала записка, явно вырванная из блокнота для отзывов отеля. «Сироп из мушмулы. Принимать по столовой ложке утром и вечером, запивая тёплой водой». Подпись: Цинь Шу. Почерк был чётким, уверенным, словно росчерк клинка — Ци Юань даже почувствовал укол зависти.

Когда-то Мэн Сяо заставлял его заниматься каллиграфией, и он действительно старался... но только в написании собственного имени. Одна его фанатичная поклонница как-то сравнила его почерк с первыми шагами младенца — мол, в этой кривизне есть своё неповторимое очарование.

Ложки в номере не нашлось, так что Ци Юань просто зачерпнул немного сиропа трубочкой и отправил в рот. А ведь и правда вкусно.

Тщательно закрыв банку и смакуя послевкусие, он снова отправил голосовое:

— Братец Цинь, у меня тут ложки нет. Как мне его есть?

Цинь Шу потёр ухо, прогоняя странный зуд, и в сердцах подумал: «Этот невозможный тип хоть минуту может прожить, не соблазняя всех вокруг?»

Он напечатал: «Говори нормально. И не называй меня так».

Ци Юань посмотрел на экран и усмехнулся: какой недотрога. Представив, с каким мученическим лицом тот сейчас смотрит в телефон, он нарочно понизил голос:

— Ой, прости. Совсем забыл, что ты младше меня на целых два года. Тогда... может, мне звать тебя «младший братик Цинь»?

Прочитав это, Цинь Шу невольно покраснел, а мысли приняли совсем не теологический оборот. Когда он осознал, о чём именно думает, пальцы непроизвольно сжались — по экрану смартфона побежала паутина трещин. Он и не подозревал, что обладает такой силой.

Тут же пришло новое сообщение: «Младший братик, ну же, назови меня "братец Юань"»

Цинь Шу почувствовал, как по телу разливается жар. Он расстегнул пару пуговиц на пижаме, пытаясь унять сердцебиение. Несколько раз он набирал и стирал ответ, пока наконец не отправил сухое: «Уже поздно. Ложись спать».

Тон был почти приказным. Ци Юань не унимался: «Цинь Шу, с таким подходом ты себе парня никогда не найдёшь».

Цинь Шу больше не отвечал.

«Младший братик, а "умеренное количество воды" — это сколько в граммах?»

«Ты правда сам его варил? Братец Цинь, ты просто мастер на все руки».

«Цинь Шу, почему ты молчишь?»

«Ты спишь?»

«Цинь Шу! Цинь Шу! Цинь Шу!»

Не получив ответа на целую лавину сообщений, Ци Юань окончательно расстроился.

— И это называется "ухаживать"? — проворчал он, занося палец над кнопкой отправки, но в последний момент передумал. — Ладно уж, он же истукан. Было бы странно, если бы он вдруг запел соловьём.

Откинув телефон, он накрылся с головой и уснул.

Примерно через полчаса чья-то тень бесшумно скользнула к столу. В темноте раздался тихий щелчок, и по комнате снова поплыл едва уловимый аромат плодов. Спустя мгновение всё окончательно стихло.

На следующее утро, едва выйдя из номера, Ци Юань наткнулся на Цинь Шу. Тот замер в тени раскидистой пальмы с таким суровым видом, будто стоял там на посту всю ночь. Актер ленивой походкой подошёл ближе и насмешливо приподнял бровь:

— Чего такой мрачный? Будто я тебе кучу денег должен.

«С такой занозой, как ты, недолго и в долгах оказаться», — подумал Цинь Шу.

Он вышел из тени и сунул что-то в руки Ци Юаню.

— Ложка.

Развернулся и уже собрался уходить, но актер не дал ему так просто сбежать, крепко перехватив за запястье.

— Ты пришёл только ради этого?

Цинь Шу хотел ответить, но внезапная щекотка от прикосновения к внутренней стороне запястья заставила его замолчать. Он перехватил шаловливые пальцы:

— Что ты делаешь?

Ци Юань почувствовал тепло его ладони и замер, точно лягушка в тёплой воде. Ему было так уютно, что хотелось замурлыкать. Щёки тронул нежный румянец, а взгляд затуманился. Значит, в прошлый раз ему не показалось.

Он подался чуть ближе и с искренним восторгом прошептал:

— Цинь Шу, ну откуда ты такой взялся?

Художник почувствовал, как по спине побежали мурашки. Взглянув на «барометр», он едва не вскрикнул: всего за мгновение показатель взлетел до 80! Для Цинь Шу это была критическая отметка, та самая грань, за которой начиналась настоящая близость.

Раньше цифры не поднимались выше 75, даже когда он признавался в симпатии. Он думал, что путь к этой вершине будет долгим, а оказалось, достаточно было просто взять его за руку.

Цинь Шу начал осознавать: с его партнёром действия работают куда эффективнее слов.

Коридор отеля имел форму каре, и в каждом углу за декоративными ширмами из растений прятались уютные уголки. Ци Юань затянул его за пышную зелень, где в полумраке мгновенно сгустилась атмосфера недосказанности.

Цинь Шу почувствовал, что ситуация снова выходит из-под контроля.

— Ты ведь правда хочешь завоевать меня? — спросил Ци Юань.

Они обсуждали это вчера, и Цинь Шу не понимал, зачем повторять вопрос, но всё же медленно кивнул. Ци Юаню это колебание не понравилось.

— Младший братик, я тебя спрашиваю...

От этого вкрадчивого тона у Цинь Шу волосы на затылке встали дыбом. Сглотнув, он твёрдо ответил:

— Хочу.

Ци Юань гордо вскинул подбородок и торжественно объявил:

— Раз так — я согласен. Теперь ты мой парень!

Цинь Шу опешил. Вот так просто? Он ведь даже толком не успел ничего сделать!

Напряжение, сковавшее его сердце, мгновенно испарилось. Это было похоже на то, как если бы новичок за рулём вдруг обнаружил, что машина сама перешла в режим автопилота и несётся по скоростному шоссе.

Ци Юань смотрел на него сияющими глазами. Цинь Шу лишь вздохнул. Куда он денется? К чему такая спешка? Они ведь знакомы без году неделя, и Ци Юань так легко согласился... это было крайне безрассудно.

Видя его молчание, актер поднял их сцепленные руки к самому лицу Цинь Шу и с нажимом повторил:

— Я сказал, что согласен! Ты — мой парень!

— Хорошо, — выдохнул художник.

Лицо Ци Юаня тут же помрачнело:

— И это всё? Такая реакция?

Понимая, что дело пахнет грозой, Цинь Шу поспешно отогнал лишние мысли и мягко произнёс:

— Я очень рад. Просто не ожидал, что всё случится так быстро.

Ци Юань сменил гнев на милость, но в душе всё ещё сомневался. Он сделал шаг вперёд, почти касаясь его, и пристально заглянул в глаза.

Обжигающе тёплое дыхание коснулось лица Цинь Шу, пробуждая древние воспоминания. Опасаясь его непредсказуемости, он мягко остановил его, пока ситуация не зашла слишком далеко.

— Здесь могут быть люди, — шепнул он.

Ци Юань оглянулся: чья-то тень действительно промелькнула вдалеке, но он не придал этому значения. Снова повернувшись к Цинь Шу, он с интересом уставился на его покрасневшие уши. Значит, этот ледяной красавец не так уж бесстрастен.

Довольный собой, Ци Юань наконец улыбнулся. Цинь Шу увидел, как цифры на «барометре» дрогнули и замерли на отметке 85.

Почувствовав на себе этот прямой, жадный взгляд, Ци Юань вдруг ощутил укол смущения. Он

отвернулся, но тут же посмотрел обратно и задал вопрос, который давно не давал ему покоя:

— Ты ведь... очень хочешь меня поцеловать?

Цинь Шу не ожидал такой прямоты и поспешно покачал головой, хотя багрянец уже заливал не только уши, но и щёки.

— Лжец, — прищурился актер, заметив перемену. — Посмотри на себя, ты же глаз с меня не сводишь. — Он выразительно облизнул губы, давая понять, куда именно направлен этот взгляд.

Только сейчас Цинь Шу осознал, насколько бестактно себя вёл, и поспешно отвёл глаза. Видя его смятение, Ци Юань решил пойти до конца и снова подался вперед.

Художник разгадал его план и выставил руку, преграждая путь. Ци Юань попытался её оттолкнуть, но Цинь Шу крепко перехватил его кисть.

— А ты силён, — удивился актер.

Цинь Шу мысленно извинился и чуть ослабил хватку. Раньше он не был таким мощным, теперь придётся следить за собой.

Но даже когда он ослабил нажим, Ци Юань не смог вырваться. Теперь он смотрел на партнёра совсем по-другому. Будучи по натуре человеком азартным и не привыкшим уступать — он ведь даже специально тренировался для съёмок — он резко развернулся. Цинь Шу уклонился, и руки Ци Юаня наконец обрели свободу.

Слегка встряхнув кистями, актер решил пойти в атаку, пока тот не ожидает подвоха. Но все его попытки заставить Цинь Шу врасплох были тщетными.

То, что начиналось как шутовская потасовка, постепенно переросло в нешуточное состязание. Ци Юань, раззадоренный неудачей, вложил в движения всю свою сноровку... но результат оказался плачевным.

Когда они наконец выбрались из-за кадок с растениями, перед ними стояла Ван Сяося с абсолютно нечитаемым выражением лица. Мэн Ши стоял к ним спиной, нерушимой скалой оберегая этот маленький закуток.

Слыша тяжёлое, прерывистое дыхание Ци Юаня, ассистентка покраснела сильнее, чем сам актер после борьбы. Она открыла было рот, но так и не нашла слов.

В её взгляде, направленном на Цинь Шу, теперь читалось безмерное уважение. Раньше она думала, что они не пара, но сейчас... эти двое смотрелись на редкость гармонично. Их Юань-гэ

любил пофлиртовать, но, кажется, впервые встретил достойного противника.

Цинь Шу по глазам помощницы понял, что та всё превратно истолковала. Он повернулся к Ци Юаню: тот стоял с раздумившимся лицом, влажным блеском в глазах и в изрядно помятой одежде. Оправдываться сейчас было бесполезно — никто не поверит, что они просто боролись.

Он осторожно поправил воротник Ци Юаня. Тот в пылу схватки вёл себя как тигрёнок, и художнику пришлось изрядно постараться, чтобы утихомирить его, не причинив вреда.

В этой потасовке пострадал и его собственный наряд, что только добавляло двусмысленности ситуации. Скажи они сейчас, что это была тренировка — кто бы поверил?

<http://bllate.org/book/16121/1588678>